

НАТАЛИЯ
РОМАНОВА

Тоценов
МОСТ

Наталия Романова

Поцелуев мост

текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Если тебе с детства внушают, что ты блеклая неудачница, «вся в папашу», в конце концов, начинаешь в это верить. И когда на тебя неожиданно обращает внимание друг из детства, красавец, весельчак и практически полубог, когда он обращается с тобой, как с красавицей – это безумно приятно, но поверить в такое очень сложно.

Сможет ли Илва принять, что в глазах Федоса она и правда привлекательна, или застарелые комплексы окажутся сильнее?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	33
Глава 4	48
Глава 5	61
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Наталия Романова

Поцелуев мост

Глава 1

Просыпалась я с большим трудом. Открывала глаза, снова проваливалась в темноту, ворочалась, изо всех сил пыталась выбраться из-под одеяла и почему-то не могла. Ещё и голова гудела, словно в ней играл симфонический оркестр, время от времени разрождаясь партиями большого барабана, тарелок и литавр. Ужас!

Усилием воли я попыталась скинуть сон, получилось плохо, глаза буквально закатывались, к тому же стало жарче.

Оглядела пространство перед собой: ковёр с высоким ворсом на паркетном полу, тяжёлые тёмные гардины, стекающие со стены на пол, подцепленные на подхваты с кистями. Слева от окна красовался комод на кривых ножках. Справа оттоманка, банкетка, рекаме – как бы этот непривычный в моих реалиях предмет интерьера не назывался, он заставил меня проснуться окончательно. Заодно вспомнить, где и с кем я находилась.

«Алкоголь – зло», – пролетело в моей воспалённой голове.

Надо же попасть в историю! Нет, на вселенскую трагедию не тянуло, на большую печаль маленького человека тоже,

зато активировало на полную мощность желание вскочить и бежать... желательно в сторону ближайшей кофейни, где можно заглотить побольше кофе и закусить сочным круассаном с сыром. И подумать над своим поведением.

– Пфф-п-ф-ф-ф, – услышала я за своей спиной.

В следующее мгновение я почувствовала, как горячие мужские ручки обхватили меня, прижали к такому же горячему телу. Бедром я почувствовала член. Мне бы искренне хотелось сказать, что это был ствол пожарного брандспойта, но это был эрегированный мужской половой орган – выражаясь научным языком. Если говорить менее пафосно, зато доходчиво: стояк у товарища дымился.

Товарища, к слову, звали Фёдор, Федя, среди своих – Федос, но об этом я расскажу чуть позже.

– Федос, отстань, – попыталась я вывернуться из медвежьих объятий.

– Не отстану, – горячо прошептал мне в ухо Федя. – Какая сладкая конфетка, у-рру-у-у-ру.

Фёдор пустил свои руки в свободное плавание. Поочерёдно обследовал моё неожиданно счастливое, распластанное вдоль него тело. Поглаживал, пощипывал, сжимал, потирал и делал много всего, от чего желание бежать в сторону кофейни перерождались в твёрдое намерение никуда не выбираться из этой постели.

Кофе я могла позже выпить, учитывая мой образ жизни, в промышленных масштабах. А вот с таким мужчиной неиз-

вестно когда бы оказалась в постели. Если быть честной, то вообще с мужчиной. С тем, что конкретно этот шикарный, умелый мужчина – Федос собственной персоной, я была намерена разобраться как-нибудь потом. Попозже. При случае.

Для проформы несколько раз отпихнула его, не слишком сильно, чтобы не решил, что я всерьёз, возмущённо прошипела:

– Не... нет!

И услышала в ответ:

– Фигли нет нет, если да.

С этими словами наглая, горячая ладонь раздвинула мои не оказывающие никакого сопротивления ноги, пробралась в место, которое красноречиво указывало на полное согласие с вышесказанным.

Чтобы не оставаться в долгу и просто из любопытства я извернулась, обхватила налитой до невозможности член.

То, что я держала в руке, было ощутимым, увесистым, горячим, по-настоящему большим. Не огромным, а внушительного, при этом не слишком пугающего размера. Хотя всё равно внутренне я вздрогнула, не сдержала эмоций, воскликнув:

– Вот же чёрт!

– Чего так? – самодовольно усмехнулись мне в ухо, не забыв влажно поцеловать, а потом прикусить мочку.

– Ничего, – огрызнулась я.

Покрепче обхватив ладонью ствол, неожиданно для себя

вздохнула.

– Всё поместится, – нагло заверил меня Федос.

– Да что ты? – не то спросила, не то возмутилась, а может и восхитилась я.

Анализировать было трудно. Я буквально плавилась под умелыми, настойчивыми ласками, горячим дыханием, поцелуями, которыми осыпали моё тело.

– Ночью всё прошло как по маслу.

Это было последнее, что я услышала, на словах «по маслу» то, что я держала в руке, протиснулось в меня. Я мгновенно покрылась горячим потом, зажмурила глаза от удовольствия, издала какой-то невнятный звук, услышала в ответ:

– Вот так, давай-ка, – шепнул Федос.

Приподнял моё бедро, продвинулся членом глубже, на моём выдохе вошёл до конца.

– Хорошо... – промурчал он.

Я молча согласилась. Было хорошо. Отлично было. А потом стало ещё лучше, и ещё, ещё, ещё, пока меня окончательно не затянула воронка нестерпимого удовольствия, и я кончила, выгибаясь и бесстыдно крича. Федос не стал долго ждать, тяжело дыша, навалившись на меня своим немалым весом, последовал за мной.

Через несколько минут я решила, что неплохо бы валить из этой обители стиля классицизма вообще и от Федоса в частности. И то, и другое было слишком для меня. Зако-

пошла, завозила, пытаясь одновременно выбраться из сдавливающих объятий, простыни и угла одеяла.

– Не пушу, – прогремел мне в ухо шёпот. Да, да, именно шёпот, и именно прогремел. – Конфета моя сладкая.

– Пусти, – пискнула я. – Мне в туалет надо!

– А... ну надо, так надо. Дорогу найдёшь?

– Найду! – я огрызнулась.

Естественно я найду дорогу в уборную, несмотря на то, что не была здесь... лет двенадцать не была, даже четырнадцать. Сразу не сообразила, решила арифметические подсчёты оставить на будущее. За двадцать шесть лет жизни математика не стала мне другом, поэтому ждать от собственного мозга чудес в критической ситуации не приходилось. Какая разница, в конце концов, двенадцать или тридцать два, в тот момент главное было – свалить.

Уборная нашлась на своём месте и заставила меня застыть в молчаливом безмолвии. Совмещённый санузел никак не меньше тридцати квадратных метров, а может и всех пятидесяти, пугал не столько размерами, сколько сверкающей белизной. Кипенным было всё, от унитаза, биде, раковины, до стеклянной кабинки душа вдоль одной из стен. По центру снежного пространства стояла ванная на вычурных ножках с золотой патиной, а с потолка свисала хрустальная люстра с такими же золотистыми рожками.

С ума сойти... Вот это размах, вот это роскошь на грани сумасшествия...

Придя в себя, я сделала свои дела, выскочила из ванной комнаты, рванула в спальню, где предположительно должна была находиться моя одежда. Не на улице же я раздевалась. Не ошиблась. Платье и нижнее бельё нашлось на банкетке рядом кроватью. Мгновенно оделась, выдохнула и побежала в сторону выхода.

Бегом, скорее, скорее, скорее, пока не столкнулась нос к носу с запропастившимся где-то Федосом. Выход нашла мгновенно. Мышечная память, знавшая пространство, как свои пять пальцев, не подвела в состоянии паники, даже при том, что пространство изменилось до неузнаваемости.

– Стоп! Куда это мы несёмся?

Меня обхватили крепкие руки и бесцеремонно подняли. Не оставалось ничего другого, как повиснуть безвольным мешком. Краем глаза я глянула вниз. Большая загорелая кисть Федоса перекрывала мой тощий живот, почти обхватывала талию. Мои босые, болтающиеся ноги казались вопиюще белыми на фоне тёмного паркета и больших, загорелых, волосатых мужских ног.

Холодящий кровь триллер про маньяка какой-то, честное слово. Правда, маньяк из Федоса вряд ли получился бы, но вид эпичный, да.

– Куда рванула-то? – с очевидной усмешкой выдал Федос, когда усадил меня на стул на кухне.

Я имею в виду, что просторное, светлое помещение с вычурной мебелью белого цвета с позолоченной патиной, золо-

тистыми ручками, вставками и краном отдалённо напоминало типовую кухню.

Невольно я огляделась в поисках какого-нибудь императорского величества, пусть самого завалящего, но наткнулась лишь на смеющийся взгляд Федоса.

– Куда побежала? Опаздываешь? – повторил он свой вопрос.

– Да, – кивнула я. Вполне уверенно, как мне показалось.

– Куда?

Федос возвышался надо мной огромной, загорелой стеной. Коротко подстриженные и от того почти не выходящие волосы. Мне было известно, что если они отрастут ещё немного, мир будет лицезреть крупные кудри, за которые половина красавиц мира, не думая, отдаст пару коренных зубов или почку. Светло-карие глаза, мужественный подбородок, сверкающие белизной зубы.

Накачанное, спортивное тело – просто просилось на билборд, пропагандирующий здоровый образ жизни и регулярные занятия фитнесом. Волосы на груди сходили на нет к солнечному сплетению, у пупка образовалась дорожка, которая убегала под махровое полотенце, конечно же, белое с золотым.

Многие утверждали, что Федос похож на Криса Хемсворта, только более «брюнетистый». Я так не считала. Федос был похож на Федоса и больше ни на кого, а Крису Хемсворту, при всей моей любви к нему, до Федоса как до Луны.

– На работу, – выпалила я и на всякий случай отвела глаза от белого полотенца.

Не то, чтобы я стеснялась или боялась увидеть то, что проступало сквозь махровую ткань, наоборот, было любопытно, но палиться на собственном интересе не собиралась.

– А, – глубокомысленно произнёс Федос. – Сейчас отвезу. Подожди меня.

Я выразительно кивнула, мне ответили недоверчивым прищуром.

– К стулу тебя привязать, что ли... – задумчиво протянул Федос, проведя пальцами по бритому подбородку.

– Это насилие! – пискнула я.

– Согласен, – ответили мне. – Не гуманно.

Со словами «не гуманно» Федос меня подхватил, как куклу, прижал к боку, удобно пристроил, оттащил в спальню, откуда я сбежала несколько минут назад, и устроил на кровати.

– Так надёжнее, – пояснил он. – Я буду одеваться, а ты рассказывай.

– Что рассказывать? – промямлила я, а потом и вовсе замолчала.

Потому что Федос скинул-таки полотенце и начал расхаживать по спальне, заглядывать в шкафы, комоды, поочерёдно кидая вещи на кровать, в центре которой сидела я.

Да-а-а-а, всё-таки я не ошиблась. Член у Федоса был что надо. Шикарный половой орган, прямо загляденье. Когда-то

в академии мы бесконечно рисовали части тела, например, кисти рук, ухо, глаз. Уверена, агрегат, который я видела перед собой, был достоин той же участи – быть запечатлённым в веках штриховкой простого карандаша. Или в масле. А то и быть отлитым в бронзе.

– Чего бежать надумала? – ответил Федос, остановившись напротив меня.

– Спешу.

– Это я понял, – усмехнулся он, давая понять, что не очень-то он мне верит.

Нагнулся, надел футболку, потом спортивные носки. Трусы, с выразительной надписью на широкой резинке, остались лежать на покрывале, распластавшись белым пятном.

– А чего мы порозовели? – хрюкнул Федос. Нагло потряс тем, что выглядывало из-под футболки. – Ночью не стеснялись на вкус попробовать, а сейчас глазки отводим.

В моей голове пронёсся весь великий, могучий, нецензурный русский язык. Захотелось прикрыть лицо руками и телепортироваться... куда-нибудь, где я наверняка не встречу Федоса с его шикарным членом никогда в жизни.

– Проехали, – благодушно заявил Федос, наконец-то натянул трусы и тренировочные штаны. – Отвезу тебя, – напомнил он. – Только в кофейню заедем, хорошо? Я без кофе по утрам – труп. Пожрать не мешало бы. Энергии много потратил ночью, – нагло подмигнул, махнул рукой, показывая, что из спальни мне нужно выбираться на своих двоих.

Спустились с пятого этажа гуськом. Он впереди, я сзади, на всякий случай прикрывая лицо волосами. Вряд ли я сильно изменилась со дня переезда. Старожилы при встрече узнают, но хоть какая-то защита.

Оглядела двор, стоя на крыльце под старым кривым навесом треугольником. Как упала когда-то сосулька, так и остался навес покорёженным. Ничего не изменилось, скорей всего, если я окажусь в этом дворе через сто лет, всё будет точно так же: небольшой пятачок зелени в центре: газон, несколько вазонов с жухлыми клумбами. Желтовато-горчичный цвет фасадов домов, с облупившейся кое-где краской, а где-то свежевыкрашенные «пятачки», которыми закрашивали художества юных граффитистов.

– Пойдём, – махнул рукой Федос, показывая на припаркованный у стены автомобиль.

Машина у Федоса оказалась под стать квартире. Хорошо, что просто белая, без золотистой патины. Конечно дорогая, за сколько-нибудь миллионов сумасшедших тушканчиков. Я понятия не имела, сколько примерно стоит это средство передвижения, лишь понимала, что я вся, включая мои внутренние органы и недвижимое имущество, стою значительно меньше.

– О, привет! – услышала я прямо перед собой.

Второй раз за утро непередаваемая игра слов пронеслась у меня в голове. На дворе ранняя рань, всего-то десять утра, зачем, спрашивается, Гоша потащился на улицу?

– Привет, – помахала я рукой.

– Соскучилась по родным местам?

– Да, – кивнула я.

Соскучилась, сил нет, как скучала. Вообще-то, если честно, по родному микрорайону я скучала. По рекам, каналам, мостам, по гранитным набережным, фасадам домов, всегда разным. Иногда вычурным, помпезным – на Английской набережной, до которой рукой подать. Иногда полуразрушенным, как навес над крыльцом парадной, откуда мы вышли. Только не могла предположить при каких обстоятельствах встретимся...

– Ну, бывай тогда. Спешу, – ответил Гоша, скользнув по мне привычным незаинтересованным взглядом.

Подошёл к Федосу, пожал руку, перекинулся парой слов и был таков.

Мы сели в машину, причём Федос галантно открыл мне дверь, а потом закрыл. Огляделась. Красивый всё же салон, лаконичный дизайн, удобные кресла.

Эх, почему одним достаётся всё, начиная с внешности, полового органа, роскоши дома, машины, а другим – ничего. Не то, чтобы я страдала без Федосовского члена, мне и без него неплохо жилось, но обидно стало, чёрт побери, обидно!

– Заедем в кофейню? – нарушил тишину Федос.

– Ага, – буркнула я.

Через несколько минут автомобиль остановился у сетевого заведения, Федос выскочил, бросив через плечо:

– Будут проблемы – звони.

Обошлось без проблем, несмотря на то, что он припарковал машину с нарушением правил. В любой момент мог подобраться эвакуатор или возмутиться жители близстоящих домов, которым нагло перекрыли проезд.

– Чего притихла? – Федос внимательно посмотрел на меня.

От скользящего взгляда становилось не по себе, я поёжилась, тяжело вздохнула.

– У тебя кто-то есть? – озадаченно спросили меня. Самое время для подобных откровений, да.

– Нет, – тихо пробурчала я.

– И у меня нет. Видишь, как отлично складывается.

«Куда уж отличней» – подумалось мне, но ехидство я придержала. Не мне соревноваться с Федосом в остроте языка.

Доедая круассан, попивая ванильный латте, я наблюдала, как остаётся позади центр города с набережными и проспектами. Промелькнули старые спальные районы, появились относительно новые постройки. Пронеслись поля, готовые под новые застройки. Наконец появился знакомые микрорайон пригорода, в котором я жила последние лет двенадцать... или четырнадцать.

– Здесь останавлиюсь. Нормально? – услышала я голос Федоса одновременно с извещением навигатора о том, что мы прибыли в пункт назначения.

– Отлично.

– Бывай, – подмигнул Федос, нагло, сказала бы «раздевающе», если бы я была не я, оглядел меня. – Звони, если что.

– Пока, – ответила я, судорожно схватившись за лямки дамской сумочки.

Хлопнула дверью, одёрнула платье, перехватила сумочку, перекинула с левого бока на правый и пошла в сторону... пусть Федос считает, что работы.

Дома была бабушка. Увидев меня, демонстративно недовольно поджала губы, выразительно вздохнула и пошла в сторону своей комнаты, тяжело переставляя полные ноги.

– Вся в мать, – услышала я из-за тонкой двери.

Я так и осталась в крошечной прихожей, подняв одну ногу, чтобы расстегнуть босоножку.

«Вся в мать»? Интересно, когда успела? Всю жизнь я была «вся в отца», причём ничего хорошего под этим не подразумевалось. Теперь стала «вся в мать», и, судя по тому, как это было сказано, меня тоже не похвалили.

Глава 2

Закрыв дверь в своей комнате на защёлку, я сползла по этой самой двери, плюхнувшись невнятным мешком на пол. Жамурилась, потёрла щёки, ущипнула себя – всё это в надежде, что сейчас проснусь и скажу: «куда ночь, туда и сон». Всё произошедшее исчезнет, растворится в небытие.

Я переспала с Федей, Фёдором. С самим Федосом!

Вопрос – о чём я думала и как такое могло случиться, – болтался на поверхности, как ряска в стоячем водоёме.

А ведь всё так невинно начиналось. Вчера, с утра пораньше, вернее, ближе к позднему обеду, я проснулась от настойчивой телефонной трели. С трудом открыла глаза, подбадривая себя мыслью, что непременно придушу того, кто звонит. Увидела надпись «Федос» на экране, тут же отставила в сторону свои кровожадные планы.

Во-первых, чтобы придушить Федоса, мне бы пришлось подставить скамеечку под ноги или попросить его о любезности – нагнуться и не дёргаться, пока я буду его убивать. Уж очень большим он вырос у мамы с папой. Вернее, только у папы, но об этом я расскажу чуть позже.

Во-вторых, Федоса я любила. Особой, нежной любовью. Буквально обожала его. Не как брата, конечно. Братьев, как и сестёр, у меня не было, поэтому я не имела представления, как их любят. И не как друга, мы никогда не были закадыч-

ными друзьями. Какая возможна между нами дружба? Правильно, никакая!

Как мужчину его я тоже не любила, даже не думала никогда в этом направлении. Если только пару раз, но мысли эти были сродни мечтаниями о Крисе Хемсворте, который вдруг материализуется в нашем микрорайоне многоэтажек, желательно в костюме Тора, увидит меня, влюбится, в тот же день женится и увезёт в свою прекрасную жизнь. В Австралию или в Асгард, неважно.

Любила я Федоса как Федоса, и больше никого, никогда не смогла бы полюбить так же.

Бодрым голосом Федос проорал в трубку, перекрикивая гремющую на заднем плане музыку, что несётся из Москвы в Питер, скоро приедет, и ему ужасно, просто нечеловечески хочется со мной увидеться. Откуда взялось столь неожиданное желание, он не сказал, а я не спросила, несмотря на то, что вопрос звучал бы вполне логично.

Федос преспокойно жил в Питере, в историческом центре, рядом с Исаакиевским собором и Новой Голландией, а я не слишком далеко – в пригороде. У него был мой телефон, адрес и, как оказалось, фотография, которую он честно тиснул с моей страницы инстаграм. На которую, да, как выяснилось, был подписан. При этом звонил он мне один раз в год, поздравлял с днём рождения, о чём ему услужливо сообщала социальная сеть. На новый год и восьмое марта ограничивался рассылкой поздравлений. Откуда взялась неистовая

жажда увидеться со мной посредине пути между Москвой и Питером – вопрос оставался открытым.

Я тоже не стремилась общаться с ним. Всё-таки это сам Федос, ему без меня хватало общения, как и мне. Конечно, я звонила с поздравлениями на его день рождения, дату которого помнила без социальных сетей. Радостно выпаливала, что я соскучилась, скороговоркой выстреливала пожелания всего и всех. Слушала довольный смешок, заверения в вечной дружбе, любви, признания, что ужасно хочется встретиться со всеми нашими. Со мной, конечно, в первую очередь. И точно так же отправляла рассылку на новый год и двадцать третье февраля.

Вот такой незатейливый формат общения был у нас с Федосом. При этом я всегда знала – в случае глобального кабздеца он придёт на помощь. В любое время дня и ночи, в любом состоянии – придёт. Федос был моей крепостью, стеной между мной и миром, оплотом уверенности.

Я ни разу не просила ни о чем Федоса, однако, понимание, что в моей жизни есть человек-скала очень помогало. Когда казалось, что всё летит в никуда, превращая жизнь в хаотичное движение, которое того и гляди снесёт всё, на своём пути, включая меня саму, именно мысль о моей личной крепостной стене позволял мне сохранять равновесие.

Что я могла ответить Федосу на предложение встретиться? Естественно, я согласилась!

К тому времени, когда он примчался в город, я сумела вы-

браться из кровати, привести себя в порядок, нацепить более-менее симпатичное платье и добраться в центр города на общественном транспорте.

Отправились мы в Английский паб. Можно смело сказать, сомнительный выбор для свидания с симпатичной девушкой. Пивные пары дорогого английского, ирландского эля не располагали к романтике. Вот только наша встреча не была свиданием, а я уж точно не считалась симпатичной девушкой. В отношении меня скорее уместно слово «необычная», чем симпатичная, милая, красивая.

Внешность мне досталась от отца, уроженца Латвии. Он гордился тем, что являлся латышом, коренным жителем, носителем культурного кода и генов, которым не годились в подмётки гены моей матери. Может, так оно и было. Иначе, чем объяснить, что у чернобровой брюнетки, синеглазой, статной, высокой, словно покрытой лёгким загаром красавицы, уроженки солнечного юга, появилась на свет бледная, как моль, дочь.

Бледная во всех смыслах. У меня было белая, совершенно не поддающаяся загару кожа, светлые, почти белые волосы, полупрозрачные, светло-голубые глаза, тонкая кость, невысокий рост, что вкупе создавало удручающее впечатление.

Всё детство моя бабушка – мама мамы, – иначе, как «культурист из Бухенвальда» меня не называла. Соседки, мамы одноклассниц, особенно бабушки, пытались меня накормить, сунуть пирожок, пирожное, подкладывали лишний

лакомый кусочек, если я случайно оказывалась у них в гостях. Каждый новый педиатр на участке участливо осматривал моё тщедушное тельце, выписывал кучу анализов, пытаюсь найти причину хронической нехватки веса.

Мама же и вовсе укрادкой, но так, чтобы я обязательно заметила, вздыхала, глядя на меня с грустью и недоумением: как у такой красавицы могло родиться эдакое... недоразумение.

Словно этого было мало, меня звали, не как всех нормальных девочек, с которыми я росла, ходила в садик, школу, академию. Вокруг меня были Насти, Ксюши, Маши, мелькали две Николь, одна Жасмин, встречались банальные Ани, я же была Илва Янисовна Грищенко.

Имя и отчество мне досталось от отца, а фамилия от матери. Родители так и не оформили отношения, фамилия же отца – Берзиньш, жутко не нравилась бабушке.

Вот с таким багажом я подошла к своему двадцатишестилетию и намеревалась жить дальше. В конце концов, статной брюнеткой я не стану никогда в жизни. Из родительского разочарования в очарование превращаться было поздно. Оставалось только жить и радоваться тому малому, чем наградила меня природа и жизнь.

Федос встретил меня на открытой веранде паба, расположенного на набережной Фонтанки.

– Илва! – заголосил он, увидев меня издали. – Красотуля! – выдал он в своей манере. – Похорошела, помолодела,

десяток лет скинула!

Учитывая, что последний раз мы встречались в год, когда я получила диплом о высшем образовании, а выглядела же и сейчас не старше второкурсницы, комплимент «помолодела, десяток лет скинула» был странным, но я приняла его коротким, соглашающимся кивком. Десяток лет – это, выходит, выгляжу я на шестнадцать. Хороший комплимент, в духе Федоса.

– Привет! – ответила я в тон. – Похорошел, помо... Вырос! – я похлопала по твёрдым мышцам рук, выражая восхищением тем, что вижу.

Откровенно говоря, восхититься было чем. Рост, фактура, улыбка, даже пресловутые морщинки в уголках глаз. Не будь Федос Федосом, я бы влюбилась, не сходя с места. Втрескалась по самые уши! Страдала бы от неразделённой любви несколько дней. Может быть даже неделю! Больше вряд ли. Мысль, что любовь с таким образцом мужественности может быть взаимной, меня не посещала никогда в жизни...

Никто в своём уме не станет сохнуть по почти виртуальному Крису Хемсворту, Бредли Купперу и даже Джорджу Клуни. И я бы не стала. Но влюбилась бы точно. На неделю, да.

Потом мы сидели на длинных, деревянных, стилизованных лавках, за столиком в тени раскидистого дерева. Поглощали куриные крылышки барбекю, луковые кольца, кальмаров в кляре, гренки, щедро усыпанные чесноком и сыром,

пили красный эль. Одним словом, меньше всего на свете наше времяпровождение походило на свидание.

Одни Федосовы шуточки, про коня, которого он то привязывал, то отвязывал, то громогласно заявлял, что сходит «отольёт», чего стоили. Впрочем, я не отставала. С аппетитом поглощала гренки, крылья с острым соусом, объявляла, что эль «пипец какой мочегонный».

Не то, чтобы я часто ходила на свидания, и все они проходили в изысканных интерьерах, исключительно с мужчинами с безупречными манерами, но на свиданиях я не лопала остатки раздавленного чеснока с сыром, собирая его со дна тарелки откусанной гренкой.

– А ты прикольная, – вдруг заявил Федос, стирая пальцем с уголка моих губ остатки соуса.

Видимо, чтобы ввести меня в окончательный ступор, он спокойно этот палец лизнул и сказал:

– Илва, давай поженимся, а?

– Как это? – опешила я.

Нет, значения слов я отлично знала, отчётливо понимала, что они значат, но ко мне, Федосу и всей ситуации в целом это никакого отношения иметь не могло.

– Во дворце бракосочетания, конечно, – кивнул Федос.

– Зачем? – спросила я.

Тем временем протянула руку в бокалу Федоса. Взяла, с подозрением понюхала, отхлебнула, распямкала по небу – обычный эль, более горький, чем у меня, но точно не креп-

кий алкоголь.

– Ты прикольная, вон какая! – доходчиво объяснили мне. – Давай. Мы хорошо жить будем! Весело! – заржал, как лихой будённовский конь Федос.

– Слушай, – я уставилась на Федоса. – Ты же женат! Точно-точно, я помню – ты женат!

Женился Федос года в двадцать два, я даже смутно помнила его жену – высокую, худую, рыжую. Говорили, она подиумная модель, но толком я вспомнить не могла. Может, и не модель, а может, и не высокая и худая. Какая-то жена была точно.

– То не считается, – безапелляционно заявил он. – Мы не расписывались с Нелькой и давно разбежались. Или ты не про неё?

– Про неё, наверное, – пожалала я плечами, храбро отпив из бокала Федоса.

– Ты мне, между прочим, обещала выйти за меня! Вспомни! – завопил Федос, заставив остальных посетителей летней веранды обернуться на нас. – Сказала, что если я не женюсь к тридцати годам, ты выйдешь за меня. Обещала ухаживать за мной, кашу по утрам варить, потому что у стареньких зубов нет. Вот! Поехали подавать заявление. Исполняй, давай!

– У тебя все зубы целые, – огрызнулась я.

– Я вырвать могу. Хочешь, прямо сейчас! – и совершенно беспардонно полез пальцем в рот, начав раскачивать здоровый на вид зуб.

В это жёсте был весь Федос. Если он считал, что должен вырвать зуб, он его вырывал. Неважно, в публичном месте или наедине, свой или чужой. В случае, если Федос что-то решал – он двигался до победного конца. Не получалось выиграть – вставал и шёл снова. С упорством быка преодолевал преграды на своём пути.

– Оставь зуб в покое! – потребовала я, для суровости стукнув бокалом по столу.

– Пиво, оп вашу мать! – нарочито пропищал Федос, давась смехом.

Он спародировал кого-то или вспомнил анекдот, который я не знала. Хотелось уточнить, что за шутку он выдал, но помня, как громко, в красках, артистично, живо он рассказывал анекдоты, посчитала за лучшее промолчать. Пожалела уши и душевную организацию присутствующих.

– Признай, что обещала, – продолжал требовать Федос. – Обещала!

– Обещала, – согласилась я. – Чего я только под тобой не обещала, – не удержалась я от пошлой шутки.

– Гы-ы-ы-ы-ы. Ы-ы-ы-ы, – было мне ответом.

Может действительно обещала, года в три или в шесть, в общем, в раннем детстве.

Мы въехали в коммунальную квартиру в центре Петербурга, недалеко от Исаакиевского собора, Конногвардейского бульвара и Поцелуева моста через реку Мойку, когда мне исполнилось три года, я ничего не помню из того времени.

Воспоминания смешались с ворохом других, более поздних.

Квартира была огромная. С двумя выходами – чёрным и парадным. С большим полукруглым холлом на входе, который был завален рухлядью, ненужной мебелью, которую бы выкинуть, да руки не доходили. С длинным, практически бесконечным коридором, вдоль которого рядком шли высокие, покрытые масляной краской двери комнат. Заканчивался он в просторной кухне с двумя газовыми плитами, столами, стеллажами.

Далее шёл коридорчик, в котором расположились сразу три двери: в узкую уборную, окрашенную в незыблемую тёмно-зелёную краску; в ванную с бесконечными полками для мыла, шампуня, прицепленных мочалок; и в комнату соседа-алкаша.

Дальше же, если свернуть за угол, простиралось огромное, в форме шестигранника, помещение «общего пользования». С высоченными окнами и печью с изразцами, представляющими историческую и культурную ценность – если верить плану квартиры, конечно.

На деле это была огромная кладовка, каждый сантиметр которой был строго поделён и захламлён. С потолка свисала обычная лампочка на плетёной проводке, а печь была надёжно спрятана за грудой непонятной ерунды.

Федос был на шесть лет меня старше, жил в одной комнате с отцом, матери у него не было – как позже рассказал сам Федос, «ушла искать лучшей жизни». Его с отцом ком-

ната находилась рядом с комнатой моей матери, с которой я и жила.

Комната бабушки была в другой части квартиры, меня туда пускали по великим праздникам, потому что я вечно умудрялась разбить или сломать что-нибудь ценное, важное, памятное. И вообще – была живым доказательством того, что мой отец – настоящее, первостатейное ничтожество, ну и я заодно, раз умудрилась родиться точной копией «морального уроды».

По причине тесного соседства мы с Федосом часто стиливались. Я постоянно лезла к нему с предложением «подружиться». Он отмахивался от меня, как от назойливой мухи, но иногда, вдруг, приглашал к себе.

Мне было лет пять-шесть, когда я прибежала со двора, начинала стучать в дверь комнаты, точно зная, что мама дома.

– Мама, мама, мамочка! – пищала я под дверью в полной уверенности, что что-то произошло. Страшное. Ужасное. Непоправимое.

– Чего разоралась? – выходил Федя и тащил меня «в гости». – Занята мама, понимать должна!

– Понимаю, – понуро кивала я, совершенно ничего не понимая и не сопоставляя.

Ни того, что меня вдруг отправляли гулять во двор, тогда как обычно мама не разрешала носа туда показывать и дружить с «местными обормотами». Ни того, что во время моих приходов к Феде никогда не было его папы, а ведь он работал

в три смены и часто бывал дома средь бела дня, спал – в такие дни Федя слонялся по коридору или гулял по улицам. Ни того, что меня выпроваживали сразу, как только отец Феди появлялся в комнате.

Так мы и жили, рядом, нос к носу. Другьями не были. Врагами тем более. Хотя общались порой тесно, теснее, чем можно представить.

Например, я помню, когда Федя первый раз напился, и ему стало плохо – именно я безбожно врала в глаза его отцу, что Федос у друга, очень занят, прямо сильно – конструируют самолёт. Почему самолёт? В одиннадцать-двенадцать лет это казалось самым убедительным аргументом. Отвлекала, не давала пройти в туалет, пока там Федя выворачивал душу. Пару раз вполне убедительно упала в обморок.

Через десять минут ничего не подозревающий отец – как он мог заподозрить неладное после таких-то моих стараний! – передал мне чистую одежду Феди и стакан с чем-то странным, похожим на воду с разведённым лекарством.

– Передай Туполеву, – усмехнулся он.

– А кто это? – честно хлопала я глазами.

Я совершенно точно не знала никакого Туполева. Тополев Валька во дворе жил, но мы не дружили, здоровались и то редко...

– Конструктору своему передавай, – засмеялся папа Федоса, для меня дядя Толя.

– Он не мой! – вспылила я.

Мой? Где он мой-то? И зачем он мне нужен? Только если картошку с рынка принести, куда меня по воскресеньям отправляла бабушка, так я и попросить могу. Взаимы, как бы. А насовсем мне Федя не нужен! Всё это, как на духу, я выложила потенциальному свёкру.

– Посмотрим, – крикнул дядя Толя и скрылся в комнате.

Я же понеслась к «своему Туполеву» в помещение общего пользования, где он отлёживался на старых мешках с соседскими вещами, которым самое место – на помойке, но свои метры обязательно нужно занять, потому будут лежать столько, сколько существует квартира.

Помнила, как Федя впервые привёл девушку. Что они в комнате делали, доподлинно я не знала, может действительно высшую математику для института решали, но догадывалась. И от того буквально чесалась от любопытства, которое не преминула удовлетворить, спросив Федоса прямо в лоб:

– Как? Понравилось?

Клянусь, я подпрыгивала от нетерпения, потирала руки в ожидании ответа.

– Да так... – неопределённо пожал плечами Федя. – Ничего особенного, – добавил он назидательно. – Тебе вообще не понравится!

– У-у-у-у, – разочарованно проныла я, будто собиралась познакомиться с этим аспектом жизни уже сегодня, прямо сей момент.

В Федоса он превратился на моих глазах. Когда я росла почти никто не дрался, стенка на стенку не ходили, двор с двором территорию не делил. Не было никакой привязки к месту. Все гуляли везде, особенно мальчишки. Подвалы, бесконечные проходные дворы, чердаки, крыши были общей вотчиной всей шпаны, со всех дворов-колодцев.

Поселились в соседском дворе гости с юга. Шумные, активные, с кучей ребятни, в основном мальчишек. Девочки, конечно, тоже были, но никто их не видел или не замечал, а пацаны всегда болтались на виду. Вот они-то и начали вдруг территориальные разборки, запретив ходить «нашим», через «их» двор.

Местные подобную наглость стерпеть не могли. Дрались, часто сами выступали зачинщиками, провокаторами. Разбирательства эти затрагивали только мальчишек, взрослым было не до того, малыши гуляли за ручку с мамами, девочек обходили стороной, если те сами на рожон не лезли.

Я же залезла. Шла спокойно из художественной школы, куда только поступила. Тащила огромную папку, с трудом пристроив её на плече, в другой руке тубус, за спиной болтался школьный рюкзак и сменная обувь в мешке – в тот день мне повезло, не было хореографии, которую я тоже исправно посещала.

Мой путь лежал через «их» двор. Меня, как девочку, мальчишеские разборки не касались, так что я смело прошла на чужую территорию. А там... там «не наши» дрались

с «нашими».

Причём один из «наших» был Федя, которого я бить не разрешала никому, могла и на дядю Толю прикрикнуть – вернее завизжать, – если норовил вытащить ремень из шлёвков и отходить от души сына. Поводов тот давал много и с завидным постоянством.

Я сумела на ходу скинуть школьный рюкзак и мешок со сменкой. Перекинула папку за спину и рванула вперёд, размахивая пластиковой тубой, как битой.

Всё произошло мгновенно: вот я замахваюсь «битой» на длинного парня, которого посетила мысль ударить моего Федю. Вот он смотрит на меня ошалевшими глазами, нагибается под мой рост, видимо, чтобы отодвинуть или что-то сказать. Вот я вижу большое ухо прямо перед своими глазами: торчащее такое, розовое, кажется, даже немного светящееся и... Кусаю за хрящ, сжимая одновременно зубы и глаза.

Через секунду я отлетела в сторону кубарем, залилась отчаянным воплем, слезами и кровью, а Федя, словно сорвавшись с цепи, начал бить несчастного с покусанным ухом. Естественно, я полезла в драку, потому что долговязый не собирался сдавать позиции. Вцепилась ему в ремень со стороны спины, как надоедливая дворняжка. Продолжала визжать, пыталась искусать поясницу парню.

В итоге обмусолила его рубашку, ободрала свои руки, ноги были исчерчены об асфальт в хлам, до крови. От беленьких кружевных колготок остались лишь воспоминания,

туфли впоследствии пришлось выкинуть, вслед за моей репутацией хорошей девочки из приличной семьи.

Растаскивали нас взрослые мужики. Сначала подбежали местные алкаши, один из нашей квартиры, потом остальные, следом приехала милиция. Нас препроводили в отдел, который находился прямо в нашем доме. Высадили рядом в кабинете инспектора по делам несовершеннолетних. Потом кого-то, как меня, отпустили домой, после того, как приехавшие врачи оказали первую помощь, кого-то держали до ночи.

Федю поставили на учёт в детской комнате милиции, несмотря на то, что ему было всего четырнадцать лет. С тех пор он стал Федосом – авторитетным парнем не только «нашего», но и «их» двора.

Моё же имя и внешность запомнили мгновенно, во избежание лишнего конфликта. У всех, включая взрослых, появилась уверенность, что Федос повернёт голову до щелчка любому, кто косо на меня посмотрит. Все знали, как он уходил парня из соседнего двора, тот даже в больницу попал.

Поговаривали, что если бы Федосу исполнилось шестнадцать лет, его могли посадить. Куда именно посадить, я в свои восемь не особенно понимала, зато уверилась на веки вечные: Федос моя стена.

А я его, да. К слову, с тех пор у меня появился выбор туфлов, папок и даже имелся увесистый мольберт.

Глава 3

В какой момент наша дружеская попойка с Федосом свернула не в ту сторону? Кого из нас посетила мысль, что завершить вечер в горизонтальной плоскости – отличная идея, я вспомнить так и не смогла.

В голове крутились воспоминания, словно хаотично падающие хлопья снега в свете фонаря. Вместо того, чтобы отправиться после паба по домам, мы побрели вдоль набережной реки Мойки, наперебой вспоминая события ушедшего детства, друзей-приятелей, соседей, даже долговязого, которого я укусила за ухо – он уехал на малую родину и приезжал к родителям раз в год – здоровенный, в окружении двух жён и детей.

– Две жены? – возмутилась я. – Вот так, в открытую?

– Им религия позволяет, – равнодушно пожал плечами Федос. – Две матери лучше, чем ни одной, – продолжил он, провожая взглядом несущийся по каналу катер.

– А, ну да, – я сочла, что вслух лучше согласиться.

С этой точки зрения мне не приходилось смотреть на многожёнство. Никогда не хотела иметь две матери, в детстве и одной становилось слишком много. Откровенно говоря, самое большое облегчение в жизни я испытала, когда мама вышла замуж и переехала от нас с бабушкой.

Совсем не потому, что освободилась комната, и я смог-

ла обзавестись собственным личным пространством. Не потому, что мама у меня плохая – она всегда заботилась обо мне, следила за воспитанием, образованием, социальными связями. Всегда придирчиво присматривалась к моим друзьям-приятелям, строго запрещала дружить с «обормотами», в чём в итоге оказалась права.

Моё детство пролетело между кружками всех мастей, художественной школой и гуманитарной гимназией. Я поступила в Санкт-Петербургскую академию художеств на бюджет, окончила её, главное же – не спуталась ни с одной дурной компанией, которых хватало в нашем дворе и в близлежащей школе, в которой учились почти все соседские дети.

В двадцать шесть лет я уже понимала, что не пошла по кривой дорожке половины моих знакомцев именно благодаря маме.

Всё это я начала понимать взрослым разумом. В детстве же бесконечно переживала, что не могла оправдать ожидания самого родного человека. Не получалось у меня стать яркой, заметной, талантливой девочкой.

Меня не брали на главные роли в школьных спектаклях. Не выдвигали от класса в школьный совет. Не отправляли на районные, городские, тем более всероссийские олимпиады.

Маме совершенно нечем было гордиться, когда она смотрела на меня – это ощущение собственной никчёмности, того, что я – источник бесконечного разочарования, я запомнила навсегда.

У Федоса же мамы не было никогда. Вернее, была до полутора его лет, а потом Федос пошёл в ясли, а она – в светлое, беззаботное будущее.

– Покатаемся на катере? – предложил Федос.

Скорей всего, чтобы вынырнуть из нерадостных воспоминаний, а может, просто к слову пришлось.

– Давай! – с энтузиазмом поддержала я, несмотря на то, что вид скоростного судна вызывал почти животный ужас.

Свалишься в воду, и что тогда? Конечно, всем пассажирам полагались спасательные жилеты, к тому же, я неплохо плавала, но перспектива свалиться в холодные воды Невы, канала Грибоедова, Фонтанки или Финского залива не вдохновляла.

– Только надо выпить взять, – загорелся Федос. – Что-то отпускает.

– Где? – уставилась я. – После десяти не продают.

– Тебе, может, и не продают, – благодушно хмыкнул он.

Мы зашли в первый попавшийся сетевой ресторан, заказали с собой суши, пиццу, взяли разливного пива. Открыли бутылку шампанского, выпили ещё раз за встречу. Для чего-то взяли ещё одну – с собой.

И отправились к пирсу с катерами, заранее выбрав самый красивый, по моим представлениям, и мощный, в понимании Федоса. Капитан ничего не сказал, увидев пьяных пассажиров в нашем лице.

Пьяная парочка в ночи, которая на ходу жевала пиццу,

запивала пивом из бутылки, спрятанной в крафтовый пакет, болтающиеся пакеты с суши на вынос, бутыл шампанского наперевес – ничего сверхъестественного для сезона белых ночей.

– Девушка, разуйтесь, – сделал мне замечания капитан.

Я покачнулась на каблуках, стоило ступить на прорезиненный пол катера.

– Ладно, – согласилась я.

Погода стояла тёплая, свалиться в воду мне совершенно не хотелось. Федос потянул меня с собой, вальяжно устроившись в трёхместном кресле для пассажиров, предварительно водрузив добычу из ресторана на стол. Я шлёпнулась рядом, тут же мои босые ноги подхватили широкие мужские ладони, окутав теплом. Отлично!

После мы ели несчастные суши, которые норовили слететь с одноразовой посуды, запивали алкоголем, в основном шампанским. Время от времени я визжала, закрывала в страхе глаза, когда Федос просил капитана «дать срани», чаще же в восхищении смотрела по сторонам, будто видела город в первый раз.

Из крепких, оберегающих объятий Федоса всё действительно выглядело иначе, заиграло новыми красками. Будто ярче, живописней. Нева становилась шире, набережная величественнее. Шпиль Петропавловского собора одноимённой крепости горел ярче. Река Мойка виделась загадочней, Поцелуев мост – роднее, Фонтанка – шире. Чудилось, что по

набережной канала Грибоедова вышагивал сам Пушкин, а вдоль Крюкова канала неспешно шёл Суворов или спешила Матильда Кшесинская.

Мы отчаянно целовались. Кто из нас двоих начал безумный танец губ и языков, я вспомнить не могла. В угоду собственному самолюбию предпочла думать, что Федос. Остро запечатлелось в памяти лишь удивление, что поцелуи могут быть такими... феерическими. Раньше меня по-разному целовали: умело и не слишком, лениво и с энтузиазмом. Но жадно, с алчностью поглощая пространство не только во рту, но и мыслях — никогда.

Было такси, несущиеся по ночным улицам, мимо полусонных домов, окутанных белизной раннего утра. Поцелуи в родном парадном, почему-то сидя на подоконнике четвёртого этажа.

Всё остальное запомнилось плохо, очень плохо. Непонятными, мутными пятнами, растекающимися, словно невнятные потёки на окне во время дождя. Отчётливым было единственное — понимание, что секс получился фантастически бесподобным.

Со всем этим мне предстояло жить дальше, в то время как я никак не могла смириться с самим фактом: меня угораздило переспать с самим Федосом!

Почему я? Зачем? За что? Главное, как теперь жить, зная, что на другой стороне вселенной существуют настолько фантастические поцелуи и бесподобный секс?

В бессилии, кое-как собравшись, я заставила себя встать, проплелась несколько шагов по комнате, упала на всегда разобранный диван-книжку. Вдруг, если как следует поспать, всё забудется сказочным образом?..

Поспать мне не удалось, в дверь громко постучали, уверенно разбудив не только меня, но и соседей через стену.

– Иди, поешь! – грохнула из-за двери бабушка. – Накрыла уже.

– Не хочу, – пискнула я в ответ.

– Не хочет она! – передразнила она меня. – Не пойми в чём душа держится, ещё и ночами шляется!

– Я позже, бабуль, – попыталась я договориться, заранее зная, что попытка будет безуспешной.

– Ты погляди на неё, – начала заводиться бабушка, и я поспешила выбраться на свет божий.

В то утро я бы не смогла выдержать причитания на тему моей никчёмной личности, умудрившейся разочаровать близкий людей одним фактом своего рождения на свет, которая продолжала своё неправо дело изо дня в день, изо дня в день, просто ежечасно. Издевательство природы я, а не человек – тощая, бледная, бестолковая. Захочешь найти такое же – ноги стешешь, не отыщешь!

На столе в маленькой кухне дымился куриный бульон, щедро присыпанный свежим укропом.

– Поешь, вот, – пододвинула бабушка мне под нос пиалу. – Сейчас сырничков пожарю.

– Спасибо большое, – вздохнула я, потянувшись за ложкой.

Помимо воли вспомнились хоромы Федоса, там бы, сидя на табурете, я не смогла дотянуться до ящика кухонного стола.

– Ешь, – кивнула бабушка, смачно разбив куриной яйцо в синюю миску с творогом. – Где была-то?

– У подружки, – соврала я, как и всегда в подобных случаях.

Не то, чтобы я часто не ночевала дома, потому что оставалась в объятиях шикарного, умелого мужчины. Буду честной, вообще мужчины, хоть какого-то... но бабушке докладывать о единичных случаях в своей небогатой сексуальной биографии не собиралась.

– У подружки... – крикнула бабушка. – Знаю я этих подружек. Только одно им подавай.

Я вздохнула. «Им подавай»... можно подумать, нам «подавать» не нужно. Может, кому-то не нужно, я слышала, что в моду входили асексуалы, но конкретно я не отказалась бы, чтоб «подали», а лучше «поддали». Что мне красноречиво и доказало предательское тело несколько раз за ночь и разок утром.

– Смотри, в подоле не принеси, – назидательно строго громынула бабушка.

– Не принесу, – пообещала я, едва сдержавшись, чтобы не вытянуться по струнке, как новобранец на присяге.

О том, что я не должна принести в подоле, я знала с тех времён, когда ещё не понимала, что именно я не должна в нём носить, поэтому на всякий случай остерегалась всего.

На даче за городом, где мама с бабушкой снимали половину щитового домика летом, я не носила в подоле ягоды, зелёные яблоки, недозревшую облепиху. На всякий случай не таскала архиважные для дошколёнка сокровища, такие, как красивые камешки, ржавые болты, сухие ветки, цветы шиповника.

– В подоле не принеси! – строжила меня бабушка.

– Не принесу! У меня сумочка есть! – отвечала я.

Показывала ей, заодно соседкам на кухне, сумочку, расшитую розовым бисером, с бантиками и бабочками. Страх, какую красивую! Зачем носить что-то в подоле, если есть такая сумочка, искренне недоумевала я. Мамин подарок, между прочим. На выпускной из садика выпросила, несмотря на то, что мне купили новенький портфель, яркий пенал, заказали аккуратную школьную форму, которая была принята в гимназии, в которую я поступила после года подготовительных занятий.

– Не стыдно такие вещи говорить ребёнку? – часто возмущалась соседка тётка Маргарита.

Марго, как она сама себя называла, ходила по дому в красном спортивном костюме или синем кимоно с вышитым драконом на спине. «Интеллигентная нашлась», – пренебрежительно говорила про неё бабушка. Я мотала на ус, что «ин-

теллигентная» – это что-то плохое, почти такое же, как носить вещи в подоле.

К первому классу вопрос прояснился. Откуда и что именно я узнала, история умалчивает, но на очередное бабушкино:

– В подоле не принеси!

Я торжественно, в присутствии Марго, соседа-алкаша, Феди и дяди Толи пообещала:

– Басрюков выраживать не буду!

– Правильно говорить «байстрюк» и «рожать». Женщины рожают из животика, а не выраживает, – поправила меня Марго, чем ещё больше запутала.

– Байстрюков ладно, байстрюки от кого попало не рождались. Детей своих господ хорошие копейкой обеспечивали! – выдала бабушка, чем окончательно сбила меня.

Видимо, мучительный мыслительный процесс по поиску взаимосвязи басрюков и рождения детей из животика был написан у меня на лице, потому что Марго заявила моей бабушке:

– Послушайте, объясните девочке элементарные вещи, иначе ей объяснит улица, поверьте, ничем хорошим половая безграмотность не закончится!

С моей безграмотностью решила бороться мама. Бабушка сняла с себя почётную обязанность со словами: «Ещё я дитю мозг срамотой не засоряла!». Мне была подарена книжка о половом воспитании подростков с красочными картинками.

Пролистав которую, я не поняла ничего.

Естественно, какая-то информация осталось в моём детском, неподготовленном мозгу, но ответа на свой вопрос: что именно и почему нельзя носить в подоле, я так и не нашла. Взаимосвязь с хорошими господами тоже осталась неясной...

Зато я точно уяснила, что секс – что бы ни значило это слово, – дело непонятное, постыдное, вообще страшное. Иначе, почему взрослые так всполошились? Обрадоваться должны были, что я наконец-то поняла, что бай-стри-ков рожать нельзя, похвалить, а они между собой переругались. Книжку непонятную сунули. Лучше бы подарили Снежную Королеву с иллюстрациями Черепанова, как у моей подружки в садике.

Улица, вернее – интернет, ставший в ту пору почти доступным, и более любопытные подружки, рассказали мне всё, включая то, что мне знать было необязательно. Во взрослой жизни, правда, время от времени выяснялось, что я совершенно не владела то одно, то другой информацией. Почти не знала собственное тело, стеснялась многих вещей, боялась женских врачей. Но всё это, по большому счёту, не мешало мне жить и в нужных моментах клясться бабушке: в подоле не принесу!

Наверное, вырасти я красавицей, похожей на маму, я бы рисковала запутаться в сексуальных связях и, в конце концов, оправдать опасения бабушки. Мне же, с моей внешне-

стью и удачей, ничего подобного не грозило. Секс пару раз за полгода... максимум. Точно не запутаешься и о контрацепции вспомнишь.

«Пф-ф-ф, ерунда!» – как снисходительно фыркнул бы Федос.

Стараниями бабушки я сытно поела. Начала чувствовать себя намного лучше, чем когда притащилась домой. Сходила в ванную, где забралась под тёплый душ и постаралась расслабиться, смыв с себя воспоминания последних суток.

Внимательно оглядела себя на предмет каких-нибудь повреждений – всё-таки Федос здоровенный мужчина, нечаянно мог оставить синяк, засос или царапину на стратегически важном месте, тем более – на моём тщедушном, бледном теле. Ничего, нигде не нашла.

После, нацепив на себя майку и трусы-шорты, – которые обтягивали мою небольшую, но надо признать, круглую пятую точку, – завалилась на диван и мгновенно уснула.

Проснулась через несколько часов от трели телефона, как оказалось, далеко не первой за утро.

– У-у-у? – промычала я в трубку, с трудом разлепив глаза.

Давно я не спала так сладко и крепко. Последний раз – после выпускного в академии, когда мы с девчонками взяли лодку на арендованной специально для мероприятия базе отдыха. Катались всю ночь, поочерёдно гребя вёслами. Не все, конечно, а наша студенческая компания, которая состояла из трёх подружек – отличниц в учёбе и неудачниц в лич-

ной жизни.

– Илва! Ты чего трубку не берёшь? – завопил голос Федоса из трубки, я аж динамик отодвинула от уха. – Час уже звоню!

– Беру, – промямлила я.

– Ты где, спишь, что ли? Ты же на работу пошла? – продолжил допрос Федос. – Щасприду, – выдали мне одним словом.

А я откинулась на подушку и продолжила досыпать седьмой сон, завернувшись в простыню. Хорошо-то как... тело как приятно ноет... каждый уголок урчит от удовольствия.

Второй раз я проснулась от одновременного звонка в дверь и на телефон. Уже соображая, что это пожаловал Федос собственной персоной, но ещё не понимая, почему ему не открыла бабушка, и то, что на мне надеты лишь майка и трусы, я отправилась к входной двери.

Поняла, что бабушки нет дома. Вспомнила, что на дворе среда, а значит, она отправилась в магазин в соседний микрорайон, где сегодня скидки для пенсионеров – посетить подобное мероприятие она считала делом чести. Про собственный непрезентабельный вид не вспомнила, причесаться тоже забыла.

– Оу! – услышала я, когда распахнула дверь. – И правда, конфета сладкая! Думал, померещилось по-пьяни, а нет!

Разбираться, комплимент это или нет, я не стала. Махнула рукой, приглашая Федоса войти.

– Ты одна? – уточнил он.

– Да, – кивнула я.

И от взгляда светло-карих глаз почувствовала себя антилопой, которую собирается сожрать гепард. В моём случае не гепард, а медведь, и не сожрать.

В ту же секунду я почувствовала, как одна мужская рука обхватила меня, вторая бесцеремонно провела по груди, безошибочно нашла сосок и сжала его. Кровь от головы, которая в первые секунды хлынула вверх, мгновенно опустилась вниз живота и заставила меня нетерпеливо потереть ногами друг о друга.

– Сейчас всё будет, – спрашивая взглядом, куда идти, пообещал Федос.

Я совершенно безвольно кивнула в сторону двери в свою комнату, чем он воспользовался, мгновенно сориентировавшись.

За дверью, когда повернулась защёлка, я почувствовала, как намокла моя майка от настырных мужских губ, а трусы – от настойчивых, совершенных движений пальцев.

– Немного рано, придётся потерпеть, конфета, – пробормотал Федос, отпуская меня на непродолжительное время из объятий.

Ему понадобилось совсем немного времени, чтобы звякнуть пряжкой ремня, дёрнуть молнию на джинсах, приспустить их вместе с бельём и запечатать свой шикарный член в презерватив. Подхватил меня на руки, к себе грудью, заста-

вил обхватить себя ногами за поясницу и одним быстрым, уверенным движением вошёл.

– Да, рано, – подтвердил он свои же слова, пока я жмурилась от сильных ощущений.

Слишком, невероятно сильных! Ничего подобного я не чувствовала за весь свой пятилетний сексуальный опыт. Одновременно мне было оглушающе приятно и нестерпимо больно. Одно перетекало в другое, перемешивалось, заставляло тяжело и глубоко дышать. Хвататься за взмокшую шею Федоса. Совершенно не свойственно мне протяжно стонать.

– Боюсь, придут твои, – объяснил он своё поведение, словно сейчас я нуждалась в бестолковых словах.

Единственное, что я хотела в тот момент, это чтобы он начал двигаться, почувствовать это снова – распирающее, невероятное чувство удовольствия, перемешанного с крупными болями.

– Давай... – заныла я.

Попыталась начать двигаться, что, учитывая моё положение – почти распятое между телом Федосом и стеной, – было непросто сделать. Благо, он сам понял, чего я хочу. Качнул бёдрами, потом ещё и ещё. Выскользнул почти до самого конца, вернулся и снова выскользнул на полную длину. После начал менять положения, углы, скорость, вынуждая почти плакать от восторга.

Кончили мы вместе или почти вместе, распластавшись на диване, под судорожные слова Федоса:

– Американский хлебовоз, где были мои глаза раньше?!

Глава 4

Не успела я прийти в себя, отдышаться, как следует – кто бы мог подумать, что после непродолжительного по времени полового акта я буду задыхаться, как победитель марафона на финише – раздался звонок телефона.

– Да? – ответила я, предварительно прокашлявшись.

– Подавилась что ли? – раздался ворчливый, бабушкин голос. – Спишь? Вставай, давай. Иди к «Реалу». Я сахара взяла, риса, соли, тушёнку еще.

– Бабуль, ты в прошлую среду соль брала, – проныла я в трубку.

– Запас карман не тянет. Пошевеливайся, – гаркнула бабушка и бросила трубку.

Всё это время я лежала на расслабленном плече Федоса. Он перебирал пальцами мои волосы и, закрыв глаза, размеренно дышал, будто спал.

Внезапное понимание, что лежать вот так, растянувшись после секса, закинув ногу на федосовское бедро – это нормально, не побоюсь сказать правильно – шокировало.

Я подскочила с дивана, словно ошпаренная. Рванула в сторону двери, заметив там свои скомканные трусы. На ходу пыталась натянуть на задницу майку, поняв, что моя пятая точка бесстыже выглядывает из-под короткой майки. Пока я скакала, судорожно надевала нижнее бельё, Федос спокойно

встал, подошёл ко мне, уставился сверху вниз.

– Куда снова побежала? – поинтересовался он, придерживая меня за руку, когда я едва не распласталась из-за собственной спешки и хаотичных, расфокусированных движений.

– Бабушка. Там, – объяснила я, подтягивая резинку трусов.

Зачем-то, видимо для надёжности, я подпрыгнула, как в детском саду, когда натягивала противные, вечно тянущиеся у ступней колготки.

– Понял, – снисходительно ответил Федос, поправил мои многострадальные трусы, чем ввёл меня в ступор. – Топай в ванную, потом я, – отдал он приказ, показывая на собственный половой орган на котором ещё держался презерватив.

Не такой и опавший орган, между прочим. Который до этого, между тем же прочим, находился во мне. Федосовский член во мне, да. О, господи...

В ванную я, конечно, пошла, вернее побежала. Включила воду, уставилась на собственное отражение в небольшом зеркале над раковиной. Волосы взлохмаченные, торчат, как пучки сена из вороньего гнезда. Щёки румяные, куда только пропала моя вопиющая бледность. Зацелованные губы.

Главное – глаза. В первый момент я даже испугалась. Отступила на полшажка, потом приблизилась обратно. Всегда светло голубая, почти прозрачная, совершенно невзрачная радужка, горела, сверкала, как новогодняя иллюминация.

Интересно... вот как, оказывается, выглядит женщина по-

сле хорошего, качественного секса. А если заниматься им всю ночь и помнить об этом на утро? Фантастика. Ооо... от неожиданности я приоткрыла рот, и тут же его захлопнула.

Размечталась коза о капусте. Неизвестно, что нашло на Федоса, в любом случае нужно воспринимать происходящее, как прилив: как набежала волна, так и схлынет.

Из ванной комнаты выбиралась почему-то на цыпочках. Зашла в комнату, уставилась на Федоса, он успел одеться. С видимым интересом он изучал содержимое книжных полок, которые висели вдоль стен и были завалены всякой всячиной. От книг, позабытых за ненадобностью музыкальных дисков, сувениров всех мастей, до рамок с моими акварелями с видами Петербурга, особенно часто там встречался родной микрорайон, излюбленный Поцелуев мост через который я трижды в неделю бегала в художественную школу на Крюковом канале. Были там и изображения нового музея Флота, Новой Голландии – старой, ещё не отреставрированной её части, и кони у Манежа Конногвардейского бульвара и даже кот, который обитал в одном из проходных дворов. Когда-то я всерьёз считала себя художником.

Странно смотрелся Федос в моей комнате, пожалуй, чужеродно. Словно это не он был в комнате, а комната вокруг него. Маленькое помещение вокруг статного человека. Вспомнилась его квартира, вернее то, что я успела увидеть. Комнатушка, в которой мы сейчас находились, была не больше ящика для рассады, в которой жил Чиполино по сравне-

нию с хоротами Федоса.

Диван-кровать вдоль стены, трёхстворчатый шкаф, комод, над ним зеркало, рабочий стол, полки. Распластанные вдоль стен папки – наследство художественного образования. Распиханные по всем доступным углам и щелям рисунки, тубусы, прижатый стулом мольберт. Главное – общая атмосфера неустроенности, словно я здесь не жила, а лишь гостила.

Раньше я не чувствовала подобного. Жила и жила. Время от времени убиралась. С переменным успехом старалась не завалить пространство вещами: юбками, платьями, нижним бельём. Вспоминала, что для них существует шкаф.

– Пришла, – сказал Федос, когда обернулся.

Скользнул по мне нечитаеым взглядом. Молчаливо обогнул, не задевая, вышел из комнаты.

Я шлёпнулась на диван, зачем-то натянула на колени полы махрового халата, который мне подарила мама на шестнадцатилетние. Замерла, подспудно ожидая, как хлопнет входная дверь за нежданным гостем. Сейчас? Прямо сейчас?.. Вот сейчас точно.

– Чего печалишься? – вместо щелчка замка услышала я.

Федос материализовался будто ниоткуда. От неожиданности я вздрогнула. Оказывается, на какое-то время я провалилась в астрал, небытие – привычка, а может защитная реакция психики, когда ожидаешь неприятное, при этом неизбежное событие.

Способность, которую я приобрела в детстве – так время до обязательного вердикта бабушки или мамы, что я в очередной раз сотворила что-то отвратительное, начиная с собственного рождения, заканчивая порванными колготками или тройкой по математике, пролетало незаметно.

– Ты не ушёл? – не то спросила, не то икнула я. Уж очень звук получился странным.

– Ты меня выгоняешь, что ли? – уставился на меня Федос, нахмутив тёмные брови.

– Не-е-е-ет, – протянула я. – Не выгоняю.

– Вот и отлично, пойдём бабушку твою встречать. Это же она звонила?

– Она, – кивнула я.

– Тогда пойдём.

Видеть Федоса второй раз за день, да ещё в собственном пространстве, среди привычных многоэтажек, газонов с приямой травой, крохотных быстро, пивных баров, торгующих дешевым пивом, было ещё более странно, чем всё, что происходило этой ночью, утром и позже, уже в моей комнате.

– Куда? – спросил Федос, останавливаясь у своего шикарного автомобиля.

– Я это... пешком, – замялась я.

– Не понял, – нахмурился Федос.

– Ты же спешишь, – выдала я.

Естественно, Федос должен был спешить. Деловые люди, предприниматели, бизнесмены и прочие неизвестные

мне существа обязательно должны куда-нибудь спешить. На встречу, подписать многомиллионный контракт, в сауну с друзьями и проститутками, в Куршавель, наконец. На этом моя фантазия иссякла, в отличие от уверенности, что Федос просто обязан торопиться.

– До пятницы я совершенно свободен, – попытался пропихать Федос, пародируя Пятачка из советского мультфильма.

Фактурного такого, выше метра девяносто, широкоплечего Пятачка.

От неожиданности я рассмеялась, и уже вполне уверенно забралась в салон знакомой машины. Красивый салон, между прочим. Такой же шикарный, как его владелец. И пусть он совершенно не подходил мне, вернее, я ему – ничто мне не мешало получить удовольствие от небольшой автопрогулки.

Неизвестно, когда представится такой случай – прокатиться на дорогом автомобиле. У меня знакомых с такими машинами не было, я даже такси заказывала эконом-класса, и то не чаще одного раза в пятилетку.

Добрались мы быстро – один квартал не расстояние для машины. Бабушка стояла у ступеней универсама и, хмурясь, вглядывалась в прохожих, идущих со стороны нашего дома.

– Чего так долго? – недовольно пропыхтела бабушка, когда я подошла к ней. – Вся в отца, тот тоже везде опаздывал. Не торопился, он. Не спешил.

– Кто понял жизнь, тот не торопится, – раздался сверху

голос Федоса. – Здравсте, тётъ Лен.

– А этот, что здесь делает?

Вместо уместного «Здравствуй, Федя», «Здравствуй», наконец, небрежного «Привет» в сторону Федоса, бабушка устала на меня в ожидании ответа.

– Давайте сумки, – с улыбкой проигнорировал бабушкино поведение Федос.

Подхватил три увесистых пакета, словно те ничего не весили и отправился в сторону автомобиля, показывая на ходу кивком головы, чтобы мы следовали за ним. Я с сомнением покосилась на бабушку, та же, ничуть не смущаясь и не сомневаясь, прошествовала за высокой фигурой Федоса.

– Богатая машина, – сделала комплимент бабушка, когда уселась на переднее сиденье. – Неудобно только, низко, – добавила тут же, видимо, для острастки, чтобы всякие двухметровые Пятачки не зазнавались.

– В следующий раз приеду на джипе, – усмехнулся Федос, глядя на дорогу. – Он высокий. Вам понравится.

В это время я смотрела на руки водителя, которые расслабленно лежали на руле. Большие ладони, сильные и ухоженные. Совсем не похожие на руки, которые я помнила у соседского мальчишки Федоса – вечно в заусенцах, царапинах, несмываемомся никогда мазуте. Даже на первое сентября, когда дядя Толя заставлял Федю надеть белую рубашку и галстук, руки его оставались тёмными, мозолистыми, совершенно неподходящими к отглаженной сорочке и натёр-

тым до блеска туфлям.

– У тебя и джип есть? – якобы уважительно проговорила бабушка. – Смотри-ка, наворовал, так наворовал, – кивнула она. – Правду говорят: «полюбить, так королеву, воровать так миллион».

Федос лишь ухмыльнулся в ответ, зато я поймала смеющийся взгляд светло карего глаза в зеркало заднего вида. И увидела, как этот глаз подмигнул мне, хоть я и не королева, да и миллиона у меня не своруешь. Из заначек только пищевые наборы, которые исправно носила бабушка из универсама по средам.

Доехали быстро, кажется, даже быстрее, чем к универсаму. Федос вышел первым, помог выкарабкаться бабушке. Я выскочила сама, проигнорировав немного осуждающий мужской взгляд, мол, могла бы и дожждаться рыцарской помощи.

Федос подхватил пакеты из багажника, который, кажется, ошалел от того, что в нём прокатились крупы и тушёнка по скидке. Невозмутимо зашёл с нами в лифт, на нужном этаже подошёл к двери квартиры и уставился на меня, ожидая, когда я открою.

– Ты что же, знаешь, где мы живём? – бабушка окинула Федоса подозревающим во всех смертных грехах взглядом.

– Конечно, мы вместе ездили выбирать. Не помните?

– Я-то помню, – кивнула бабушка. – А вот ты, чего ради, спрашивается, в голове держишь?

– Оно само! – сверкнул улыбкой Федос. – Да вы не переживайте так, тётя Лена.

– Какая я тебя тётя Лена? – взбеленилась в ответ бабушка.

Я мысленно схватилась за голову. Началось. Бабушку по всем возможным документам звали Олёна, именно через букву «О». Долгое время, для удобства окружающих, она называла себя Леной, сроднилась с этим именем, можно сказать, срослась.

Однако, в последнее время на бабушку что-то нашло. Она стала требовать, чтобы окружающие, включая тех, кто иначе, чем Лена, Елена её не называл и не знал, начали звать её по паспорту – Олёной. Обязательно через «О». Никакой Алёны, через «А» она признавала и не собиралась.

На диалекте той местности, где родилась и выросла бабушка, это получалось легко, вот только большинство знакомых, включая меня, имя «Олёна» никак не могли это произнести. Ерунда какая-то выходила.

– Тётка Олёна я, – назидательно проговорила бабушка. – Понял, обормот?

– Понял, – тут согласился Федос. Видимо и с Олёной, и заодно с обормотом.

Потом мы сидели на кухне, которая сразу, как только туда вошёл Федос, стала меньше раза в три. Бабушка курсировала вдоль небольшого кухонного гарнитура: мойка, стол, узкая тумба, холодильник. Я вздыхала над тарелкой – сегодня я уже ела, прошло совсем мало времени, чтобы еда вызыва-

ла у меня аппетит. Федос же поглощал наваристый борщ с завидным энтузиазмом, заедая белым хлебом с майонезом.

– Есть тебе надо, – напомнила бабушка цель моего пребывания за столом. – Тощая, смотреть страшно.

– Не хочу, – проныла я.

– Ну и не хоти, – огрызнулась бабушка. – Так до старости и просидишь одна. Мужики не собаки, на кости не бросаются, а в тебе и приличного супового набора костей нету, – добавила, стрельнув в мою сторону гневным, осуждающим взглядом.

Я же посмотрела на Федоса, он в свою очередь молча наворачивал борщ, аж за ушами трещало. Молчание, как известно, знак согласия. Сразу вспомнилась Нелька – жена Федоса, которая не жена – в той точно парочка суповых наборов уместилось, с таким-то ростом. Маринка – его одноклассница, которая была влюблена в Федоса с седьмого по девятый класс, пока его в колледж из школы не выставили. У той уже к восьмому классу «женские прелести» были больше, чем у меня в двадцать шесть лет. И заодно море разлитое других женщин в жизни Федоса, которых я не знала, в глаза не видела, но что они были – не сомневалась. И что они фактурней меня – тоже.

– Как отец? – участливо спросила бабушка Федоса, пока я старалась не испепелить его взглядом за молчаливое согласие или не разреветься от обиды, как дошкалёнок.

– Нормально. Работает, – ответил Федос.

– Там же?

– Там же.

Отец Федоса, сколько я его знала, работал на судостроительной верфи сварщиком, чем вызывал неизменное уважение моей бабушки. «Человек при деле, профессии, на одном месте всю жизнь», – любила она привести его мне в пример, как бы говоря, что есть на свете нормальные люди, не то, что я, естественно.

А я что? Сварщик из меня получился бы еще хуже, чем художник, так что, несмотря на понимание всей глубины собственной никчемности и неприспособленности к жизни, я порадовалась за судостроительную верфь.

– Как только у такого порядочного человека, такой оборот вырос, – наигранно горько вздохнула бабушка. – Вот в кого ты такой бестолковый уродился. В мать?

– Не знай, – пожал плечами Федос.

– Чего бы тебе не пойти по следам отца, Федь, – бабушка даже села рядом, упёрла пухлую щёку в руку, громко, с надрывом выдохнула. – Пропадёшь ведь. Сгинешь за паршивый червончик. Поймают тебя на границе с этими машинами, что делать-то будешь? В тюрьму пойдёшь? Об отце подумал, за что ему на старости лет такое?

– Я, тётъ Лен, машины давно не гоняю, – спокойно ответил Федос. – И когда гонял – это было законным делом. У меня теперь официальные салоны по продаже новых автомобилей. «Гранд» называются, может, слышали?

– Салоны... продажи... Нету среди вашего брата порядочных людей. Одни кровопийцы, да жулики. Пересажают вас скоро, так и знай!

– Не за что меня сажать, – флегматично ответил Федос. – Борщ – бомба, – ловко перевёл он беседу. – Лучшее, что я ел за последние лет десять.

– То-то же, – довольно ответила бабушка и забралась в морозильник за варениками. – Тебе с картошкой, творогом или вишней? – обратилась она к Федосу.

В мою сторону даже не посмотрела, оно и понятно, вареники я не любила сильнее борща. Аппетит имела отвратительный. Одно расстройство кормить меня, никаких нервов не хватит.

– Ну что, поехали? – заявил Федос после сытного обеда, глядя на меня. – Тётя Лен, отпустите со мной Илву?

– Что я ей, хозяйка что ли, – взмахнула руками бабушка. – Взрослая уже, сама решает, как ей жить. Толку-то от тех решений, – не удержалась она от укола.

За время короткого диалога Федоса с бабушкой, я решила, что никуда с ним не пойду. И не поеду. Вообще никуда. И никогда. Совсем. Накатила неясная апатия. Настроение, скачущее, как сошедшая с ума диаграмма, ухнуло вниз, ниже пола и растеклось сопливой лужей.

Но от очередного намека на мою бестолковость захотелось встать и уйти. Всё равно куда, без разницы с кем. Федос – отличная компания! У него шикарная машина, крепкие

мышцы, живописная дорожка волос, убегаящая вниз живота и потрясающий по всем параметрам половой орган.

На улице каждой девушки должен перевернуться камаз с пряниками. На моей перевернулся Федос с... членом.

Глава 5

Я внимательно огляделась по сторонам. Сверкающие поверхности везде, от пола до потолка. Глянцевая стойка администратора, такие же столы менеджеров по продажам. Главное же – натёртые до зеркального блеска бока новеньких автомобилей.

Мы приехали в один из салонов по продаже машин «Гранд», который принадлежал Федосу. Меня не спрашивали, просто привезли, впрочем, я не возражала. Всё, что угодно лучше, чем торчать в четырёх стенах в компании вечно недовольной бабушки.

Вообще-то, бабушку я искренне любила. Просто старалась реже попадаться ей на глазах. В условиях тесной двухкомнатной квартиры, которая нам досталась за две небольшие комнаты в коммунальной квартире, особенно не спрячешься.

Нашу большую коммуналку Федос задумал расселить сразу после того, как вернулся из армии. Поначалу всем это показалось неосуществимой фантазией. Квартира – огромная, проживающих много, прописанных и того больше. Предоставить каждому жильё, желательно отдельное, пусть и на окраинах города или в пригороде – анриал. Откуда у мальчишки из рабочей семьи, который с трудом окончил колледж по специальности «автомеханик», возьмутся деньги?

Взрослые говорили, что Федос изменился. У него появились дорогие вещи. Не купленные в дисконте, не китайская не подделка, сшитая мастерами в соседних подвалах, а самые настоящие, фирменные, а то и брендовые. Правда, я ничего такого не замечала. Как ходил Федос в тренировочных штанах и кроссовках, так и продолжил ходить. Вот сверкающие часы у него на запястье заметила – огромные, хоть грецкие орехи коли.

К тому же, мы жили хоть и в центральной части Санкт-Петербурга, престижным это место нельзя было назвать. Проходные дворы-колодцы, перемежающиеся с крохотными скверами. Дома, стоящие под разными углами, облупившиеся фасады не лицевой части, иногда и той, что выходила на проезжую часть. Окна, часто упирающиеся в соседние окна или в стену. Руку протяни – достанешь.

Невский проспект, Исаакиевский собор, Спас на крови – до всех достопримечательности было рукой подать, но непосредственно в нашей части города находились лишь несколько доходных домов, вызывающих интерес архитекторов и историков, да живописные Питерские крыши, по которым ушлые ребята проводили экскурсии.

В ту пору я почти не встречала Федоса. Ему было около двадцати лет, он стал взрослым, важным. В моих глазах он ничем не отличался от любого другого парня, живущего своей зрелой жизнью, непонятными и неинтересными мне заботами.

Конечно, он всё равно оставался тем самым, обожаемым Федосом. Я радовалась, когда случайно пересекалась с ним на коммунальной кухне или во дворе. Была счастлива перекинуться парой слов. Спрашивала про его дела, он что-то отвечал о машинах, которые начал гонять из Европы, про страны, в которых побывал. В основном, правда, рассказывал про таможни, а не исторические достопримечательности, но мне всё было интересно. В ответ он дежурно интересовался моими оценками, велел учиться и вести себя хорошо. Однако в дни, когда я Федоса не встречала – совсем не скучала.

Федос – он был как новый год, который приходил вопреки числам на календаре. Вспыхивал яркой иллюминацией взрослой жизни и исчезал на несколько месяцев. Я же оставалась в своём, подростковом мирке. Среди героев Марвел и ДС, новых серий Гарри Поттера, в заботах об оценках за trimestры и год, о занятиях в художественной школе и обязательных планерах по весне.

Если бы меня в те месяцы спросили, хочу ли я уезжать из центра города, из квартиры, к которой привыкла, от приятелей, не только из гимназии, художественной школы, но и дворовых, дружбу с которыми не поощряла мама, я бы ответила твёрдое «нет». Меня бы, конечно, никто не послушал, но я бы сказала.

Спустя время, пожив в отдельной квартире, где все полки в ванной комнате принадлежат тебе, не нужно делить верёвки для белья, а на унитаэ садятся только члены твоей семьи,

я полностью согласилась с решением мамы и бабушки. Тогда же я была просто в бешенстве.

Помимо самого факта отрыва от привычной среды, мне предстояло ежедневно ездить в гимназию сначала на электричке, потом на метро, а после идти пешком, мимо дома, в котором я выросла и где осталась наша с мамой комната.

Не могло идти речи о том, чтобы поменять хорошую языковую гимназию на «дворовую» школу новостройки, где учились все, кто рядом прописан. Мама была категорически против, впрочем, я тоже. Кому в средней школе хочется оказаться в числе «новеньких», на которых с исследовательским интересом смотрит уже сплочённый коллектив подростков? Уж точно не девочке с невзрачной внешностью и весьма средних талантов. Обожаемую художественную школу я тем более не собиралась бросать, даже на минуту не задумывалась об этом.

Стараниями Федоса, мамы и бабушки я потеряла минимум два с половиной часа в день, которые уходили на дорогу. Была вынуждена в перерывах между гимназией и художественной школой либо бесцельно бродить по городу, либо отсиживаться в библиотеках. На уютные кафе у меня денег не было. Хватало на приличный обед в школьной столовой и лёгкий перекус после художки. Как не злиться?

Так или иначе, благодаря изворотливости Федоса, соседи разъехались кто куда. Знаменитый алкаш получил комнату в малонаселённой коммуналке и небольшую сумму денег, ко-

торуую пропил в первые месяцы. Марго отыскала себе крохотную квартирку тут же, в центре. Были те, кто просто брал деньги, уезжал из города или покупал дачу к уже имеющемуся на стороне жилью. Нам же досталась двухкомнатная квартира в приличном микрорайоне ближайшего пригорода. Не так и плохо, если трезво посмотреть на ситуацию.

Почти до шестнадцати лет мы продолжали жить с мамой в одной комнате, потом она вышла замуж, съехала от нас с бабушкой, и у меня появилась отдельная комната и возможность спать на «взрослом» диване. До этого момента в моём распоряжении было раскладное кресло. В комнате по сей день находились некоторые мамины вещи, стояла мебель, которая перекочевала с нами из коммуналки, кроме полок вдоль стены, но всё-таки это было моё личное пространство, которое никто не нарушал. Ну, кроме бабушки, естественно.

Почти всю дорогу к салону «Гранд» Федос молчал, я тоже предпочитала не разбрасываться словами. Что я могла сказать? И Федос, и вся ситуация свалились на меня, как снег на голову, а мне ещё нужно было сосредоточиться на том, что будет, когда этот странный карнавал закончится.

Завтра Федос пропадёт, а мне нужно будет с этим жить. Одно дело – спокойно есть, спать, заниматься своими делами и вспоминать с неизменной теплотой о бывшем соседе, который все эти долгие годы оставался тебе... Федосом он оставался. Совсем другое – знать, что он бросил тебя после нескольких занятий сексом.

Я вполне была готова к такому повороту, честно говоря, совершенно не рассматривала другой вариант. Но обманывать себя, убеждать, что это не ударит по моей и без того не слишком высокой самооценке, не получалось. Самообман мне всегда давался с трудом. Иногда, в качестве эксперимента, я пыталась убедить себя, что на самом деле интересная личность, красивая девушка, но здравая мысль, что всё это – ложь, быстро возвращала меня на место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.